

Научная статья
УДК 342.3
DOI 10.33184/pravgos-2026.1.21

Original article

РОМАШОВ Роман Анатольевич ✉
Ленинградский государственный
университет имени А.С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Россия,
romashov_tgp@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-9777-8625>

ROMASHOV Roman Anatolyevich
Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russia

РОМАШОВА Галия Талгатовна
Северо-Западный институт управления –
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ,
Санкт-Петербург, Россия,
Romashova-gt@ranepa.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-0069-8678>

ROMASHOVA Galiya Talgatovna
North-West Institute of Management
(RANEPa St. Petersburg),
Saint Petersburg, Russia

САФИН Завдат Файзрахманович
Казанский (Приволжский)
федеральный университет,
Казань, Россия,
zsafin56@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0001-6010-618X>

SAFIN Zavdat Fayzrakhmanovich
Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russia

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАУЧНОГО СУВЕРЕНИТЕТА В ПРОСТРАНСТВЕ СНГ

PUBLIC LAW FOUNDATIONS FOR ENSURING SCIENTIFIC SOVEREIGNTY WITHIN
THE CIS SPACE

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена стремлением государств – членов СНГ к обеспечению научного суверенитета. В условиях широкомасштабного внедрения цифровых технологий во все сферы общественной и государственной жизнедеятельности возрастает значение науки как важнейшей составляющей механизма социального развития. При этом неразрывная связь науки с государством обуславливает как теоретическую, так и практическую значимость проблемных вопросов, связанных с публично-правовыми основами организации научной деятельности. Цель исследования – конструирование теоретико-прикладной модели, в рамках которой осуществляется терминологический анализ понятия «наука», проводится аналитическое сопоставление категорий «государственный суверенитет» и «научный суверенитет», выявляются особенности формирования и реализации научного суверенитета в рамках этатистского и либертарного подходов, определяются публично-правовые основания научного суверенитета.

Abstract. This research is relevant due to the aspiration to ensure the scientific sovereignty of the CIS member states. In the context of the widespread adoption of digital technologies across all spheres of public and state life, the importance of science as a crucial component of the social development mechanism is increasing. Consequently, the intrinsic connection between science and the state highlights the theoretical and practical importance of the challenges concerning public law foundations for organizing scientific activity. The purpose of the research is to construct a theoretical and applied model, within which a terminological analysis of the concept of “science” is carried out, an analytical comparison of the categories “state sovereignty” and “scientific sovereignty” is conducted, features of the formation and implementation of scientific sovereignty within the framework of statist and libertarian approaches are identified, and the public law foundations of the scientific sovereignty of the CIS member states are determined. The article

та государств – участников СНГ. При подготовке статьи использовались общенаучные, специальные и частные методы познания с акцентированием внимания на методе междисциплинарного синтеза, позволяющем гармонично соединить данные общегуманитарных наук с достижениями теоретической юриспруденции. Основные выводы свидетельствуют, что научный суверенитет следует рассматривать как комплекс параметрических характеристик, определяющих состояние национальной (государственной) науки, в рамках которого формируется самостоятельная (с точки зрения организационного, материально-технического, финансового, кадрового обеспечения) система осуществления научных исследований и подготовки научно-педагогических кадров.

Ключевые слова: государственно-правовая система, государственный суверенитет, научный суверенитет, этатизм, либертаризм, наукометрические показатели

Для цитирования: Ромашов Р.А. Публично-правовые основания обеспечения научного суверенитета в пространстве СНГ / Р.А. Ромашов, Г.Т. Ромашова, З.Ф. Сафин. – DOI 10.33184/pravgos-2026.1.21 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 1. – С. 207–214.

was prepared using general scientific, special, and specific methods of cognition, underpinned by the method of interdisciplinary synthesis facilitating the harmonious connection of data from general humanities with advancements in theoretical jurisprudence. The main findings indicate that scientific sovereignty should be considered as a complex of parametric characteristics that define the condition of national (state) science. This condition encompasses the formation of an autonomous system (in terms of organizational, material-technical, financial, and personnel support) for carrying out scientific research and educating scientific and pedagogical staff.

Keywords: state law system, state sovereignty, scientific sovereignty, statism, libertarianism, scientometric indicators

For citation: Romashov R.A., Romashova G.T., Safin Z.F. Public Law Foundations for Ensuring Scientific Sovereignty Within the CIS Space. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 1, pp. 207–214. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.1.21.

ВВЕДЕНИЕ

Современный мир находится на переходном этапе, предопределяющем необходимость переосмысления ряда традиционных представлений, в совокупности образующих парадигму мировосприятия. На смену биполярной модели мироустройства, определявшей вектор цивилизационного развития на протяжении большей части XX в., пришла многополярная система. В рамках ее формируются региональные межгосударственные союзы, одним из которых является СНГ.

Возникшее в качестве альтернативы Союзу ССР Содружество Независимых Государств первоначально воспринималось как геополитическая форма «цивилизованного развода» (В.В. Путин) и в подобном представлении мыслилось в качестве переходного состояния до формирования в бывших союзных республиках фактического государственного суверенитета, до «отработки» технологий межгосударственных коммуникаций в новых исторических условиях. Однако в дальнейшем

СНГ стало рассматриваться как долговременное региональное межгосударственное объединение, участники которого в настоящее время выступают равноправными партнерами в отношениях, связанных с экономическим, социальным, культурным развитием, обеспечением коллективной безопасности и т. п. Немаловажное значение в складывающихся отношениях имеют вопросы, касающиеся выработки общих принципов и стандартов научной деятельности, от эффективности которой во многом зависит решение задачи обеспечения конкурентоспособных позиций государств – членов СНГ в условиях формирующегося многополярного мироустройства.

НАУКА И ГОСУДАРСТВО: К ВОПРОСУ О ПОНИМАНИИ, СООТНОШЕНИИ, ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Термин «наука» относится к числу общепотребительных. Однако легальной дефиниции науки до настоящего времени не сформулировано. В Федеральном законе «О науке

и государственной научно-технической политике»¹ определены понятия «научная деятельность», «научный результат», «научный проект» и др., но о том, что такое наука, законодатель почему-то ничего не говорит, скорее всего, полагая данное явление общеизвестным и в силу этого не нуждающимся в нормативной интерпретации. Вместе с тем проблема понимания сущности, структуры и содержания науки не является однозначной, что обуславливает необходимость ее аналитического исследования.

В рамках данной статьи предлагается рассматривать науку в следующих смыслах:

1) наука – средство изучения объекта познания путем получения новой информации о нем, проверки достоверности и систематизации полученного знания с последующим его применением для достижения практических целей и решения конкретных задач (прикладная наука) либо для теоретического моделирования природных и культурных явлений (теоретическая наука);

2) наука – сфера профессиональной научной деятельности (научная специальность, научная работа), характеризующаяся атрибутивными (наличие ученой степени, ученого звания и должности, занимаемой в структуре бюрократического научного аппарата), компетентностными (наличие специальных знаний, умений, навыков, позволяющих решать определенные научные задачи), возмездными (денежные средства, награды и привилегии, получаемые субъектом за занятие научной деятельностью) признаками.

В первом случае занятие научной деятельностью означает осуществление научно-исследовательского поиска, предполагающего достижение научных результатов с их последующим внедрением как в прикладную, так и в теоретическую сферы познания. Во втором речь идет о науке как о виде профессиональной трудозанятости, в рамках которой научный сотрудник выступает в качестве работника, деятельность которого определяется условиями трудового договора (контракта) с работодателем и осуществляется в соответствии с требованиями трудовой

дисциплины (время труда и отдыха, размер зарплаты, материальная и дисциплинарная ответственность и т. д.). В таком понимании научный труд практически ничем не отличается от других видов работ, измеряемых критериями, исходящими от работодателя, и обеспечиваемых им же установленными гарантиями и санкциями.

Авторов в рамках обозначенной проблематики в первую очередь интересует наука в ее первом значении, а именно как сфера инновационной деятельности, направленной на получение и внедрение научных результатов, посредством которых усиливается эффективность практических механизмов, расширяется, углубляется, конкретизируется область теоретического моделирования.

В подобном понимании наука как социально-культурное явление, выраженное в определенных организационных формах (университеты, институты, академии и т. п.) и направлениях (прикладная, теоретическая, отраслевая и т. п.), возникает на определенном этапе государственно-правового развития и претерпевает трансформационные и содержательные изменения в процессе политико- и правогенеза [1; 2]. Неразрывная связь науки с государственно-правовой системой предполагает выработку определенных форматов их соотношения и взаимодействия, которые с определенной долей условности могут быть сведены к двум теоретическим моделям – этатистской и либертарной.

В рамках этатистской модели государство выступает как единоличный собственник науки, воспринимающий последнюю в качестве предмета владения, пользования, распоряжения [3]. В таком понимании государство определяет направления научной политики, средства и технологии ее реализации, устанавливает целеполагание научных исследований, осуществляет материально-техническое обеспечение научной деятельности, формирует стимулы, ограничения и запреты в данной области, обеспечивает межгосударственное взаимодействие в сфере научной деятельности.

Либертарный подход предполагает выстраивание научно-образовательной системы по принципу солидарности государства и гражданского общества. В рамках этого подхода государство, институты гражданского

¹ О науке и государственной научно-технической политике : Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 35, ст. 4137.

общества, отдельные человеческие личности являются равными в своем субъектном статусе участниками правоотношений [4]. При этом право и закон – взаимосвязанные, но не тождественные категории. Исходящий от государства закон становится правовым, только когда обеспечивает корреспонденцию прав и обязанностей вовлеченных в правоотношения физических и юридических лиц, в число которых входит и государство, представленное органами государственной власти и государственными чиновниками.

Изучение исторического опыта становления и развития университетской системы в государствах Западной Европы и США свидетельствует, что изначально университеты как научно-образовательные центры возникли вследствие «симбиоза» городских магистратов, с одной стороны, профессорского и студенческого сообществ – с другой. Причем именно студенты определяли на первом этапе как содержание образовательного процесса, так и его структуру [5]. Соотношение государства и науки в контексте либертарного подхода целесообразно рассматривать на примере Британского королевства, где Лондонское королевское общество (британский аналог Российской академии наук), созданию которого в 1660 г. предшествовала Незримая коллегия, собиравшаяся с 1645 г. в Лондоне, а с 1648 г. – в Оксфорде, являло собой частный клуб интеллектуалов-единомышленников, придание которому официального академического статуса королевской хартией в 1662 г. не повлекло наделения членов какими бы то ни было материальными привилегиями [6]. Вплоть до настоящего времени Британская академия наук представляет собой своеобразное клубное объединение, членство в котором является почетным, однако не предполагает наделения «академиков» формальным государственным статусом.

В рамках российской государственно-правовой системы возникновение науки как выраженного в организационных формах и специализированных технологиях социально-культурного явления неразрывно связано с петровскими преобразованиями и в первую очередь с созданием Академии наук и художеств (1724), соединившей в себе как собственно научное, так и образовательное на-

правления познавательной деятельности [7]. При этом Петровская академия являла собой яркий пример проявления суверенитета российского императора в области организации науки и образования. Обеспечить научный суверенитет России в тот исторический момент не представлялось возможным по причине фактического отсутствия русских (как и русскоговорящих) профессоров и преподавателей [8]. В дальнейшем государственный подход к организации науки претерпел существенные изменения. Их результатом стало формирование собственно российской науки, которая начиная со второй половины XIX в. неизменно занимала одно из ведущих мест в системе мировых научных достижений [9].

Проведенный исторический анализ организационно-правовых форм российской науки на всех стадиях исторического развития государственно-правовой системы России (монархической/имперской, советской, постсоветской) позволяет сделать вывод о ее непосредственной зависимости от государства и говорить об этатистской модели соотношения и взаимодействия государства и науки, а это, в свою очередь, актуализирует проблему понимания и соотношения категорий «государственный суверенитет» и «научный суверенитет».

К ВОПРОСУ О ПОНИМАНИИ И СООТНОШЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО И НАУЧНОГО СУВЕРЕНИТЕТОВ

Вплоть до настоящего времени понятие «суверенитет» рассматривается в неразрывной связи с государством. Вместе с тем все более активно в понятийный аппарат как общей теории права, так и отраслевых юридических наук внедряются категории, содержащие термин «суверенитет» в его различных смысловых коннотациях. Можно услышать о суверенной демократии [10], суверенном рунете [11], электоральном суверенитете [12] и даже о суверенитете личности [13].

Подобное многообразие объясняется, прежде всего, тем, что исследователи используют понятия «суверенитет» и «суверенный» безотносительно их этимологии. Постараемся этот недостаток исправить.

Термин «суверенитет» ввел в широкий научный оборот выдающийся французский мыслитель Ж. Боден. В своей книге «Les Six Livres de la République» («Шесть книг о республике») он оперировал общими понятиями *république* (общая собственность, благо) и *imperium* (высшая власть). В понимании Ж. Бодена республика – это любая форма правления (монархия, аристократия, демократия), в которой субъекты, наделенные высшими властными полномочиями – империи (монарх, бюрократическая элита, народное представительство), выступают в качестве индивидуальных (коллективных) суверенов, что, по сути, означает их идентификацию в качестве высшей государственной власти, получившей впоследствии наименование государственного суверенитета [14]. Таким образом, понятие «суверенитет» по своему смыслу аналогично термину *imperium* и означает исключительные властные правомочия, которыми обладает их носитель – индивидуальный либо коллективный суверен.

Определившись с этимологией термина «суверенитет» и государством (а точнее, органами государственной власти) как его носителем (сувереном), следует определиться с пониманием лингвистических конструкций «суверенитет науки» и «научный суверенитет» и ответить на вопрос: можно ли рассматривать их в качестве идентичных? Ответ: безусловно, нет.

Суверенитета науки ни как средства познания, ни как сферы специализированной научной деятельности по определению быть не может, поскольку носителем суверенитета может выступать только субъект, а сама по себе наука таковым, безусловно, не является.

Если же говорить о научном суверенитете, то следует ответить на несколько вопросов:

– какие субъекты являются носителями научного суверенитета?

– какими научными направлениями (школами, специальностями) научный суверенитет представлен?

– на какой измерительной системе (наукометрии) научный суверенитет основан?

Носителями научного суверенитета выступают национальные академии наук, национальные ВАКи и замкнутые на них «ваковские» диссертационные советы, а также автономные диссертационные советы при «избранных» вузах, определяемых не науч-

ным сообществом, а правительственными, то есть бюрократическими, структурами.

Направления реализации научного суверенитета задаются императивным методом все теми же бюрократическими структурами. Для современной России в настоящее время – это укрупненные научные специальности, определяющие «магистральные» направления проводимых научных исследований и предметную проблематику защищаемых диссертаций.

Наукометрическая система измерения научного суверенитета – комплекс оценочных показателей, с опорой на которые осуществляется квалификация как отдельных научных работников, так и научных организаций и учреждений. В настоящее время наиболее распространенным наукометрическим показателем научного суверенитета является индекс научного цитирования, отражающий уровень научного развития коллективных (академии, университеты, диссертационные советы) и индивидуальных субъектов – носителей исключительных прав (прерогатив) в области научно-исследовательской деятельности.

Исходя из выделенных составляющих может быть сформулирована следующая дефиниция: научный суверенитет – это совокупность параметров, характеризующих национальную (государственную) науку как структурированную функциональную систему, обеспечивающую самостоятельное (с точки зрения организационного, материально-технического, финансового, кадрового обеспечения) проведение научных исследований, систематизацию и практическое внедрение полученных результатов, подготовку национальных научно-педагогических кадров.

Основу научного суверенитета образуют прерогативы, выражающиеся в исключительных правах и свободах представителей научного сообщества (носителей научного суверенитета) в области осуществления научных исследований и интеллектуальной собственности на полученные результаты.

НАУЧНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ В ПРОСТРАНСТВЕ СНГ: ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ СТРУКТУРИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ

Прежде всего следует определиться с двумя ключевыми категориями, с опорой на которые будут формулироваться последующие положения и выводы. Речь идет о понимании

собственно пространства СНГ, а также о публично-правовых основаниях его формирования.

Рассмотрение СНГ как специфического пространственного объекта предполагает совмещение в едином сущностном контексте двух подходов – геополитического и юридического. В геополитическом понимании пространство СНГ складывается из территорий государств, получивших суверенитет после распада СССР и ратифицировавших Соглашение о создании СНГ (1991), Протокол к Соглашению о создании СНГ (1991), Устав СНГ (1993). В настоящее время членами СНГ являются 9 государств (Азербайджан, Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Россия, Таджикистан, Узбекистан). Статус ассоциированного члена имеет Туркменистан, пока не ратифицировавший Устав СНГ. В рамках юридического подхода пространство СНГ представляет собой сферу межгосударственной юрисдикции, определяющей компетентностные правомочия межгосударственных структур (Совет глав государств, Совет глав правительств, МПА, ОДКБ, Экономический суд СНГ и др.) и юридическую силу межгосударственных договорных (Соглашение о создании СНГ) и нормативных правовых актов (Устав СНГ).

Публично-правовые основания формирования СНГ включают организационные, нормативные и социокультурные составляющие. Если же говорить о публичных основаниях социокультурного типа, то это прежде всего русский язык, статус которого в качестве «рабочего языка Содружества», закреплен Уставом СНГ (ст. 35).

Рассмотрение науки как объекта публично-правового регулирования в пространстве СНГ представляет собой проблему, не имеющую в настоящее время однозначного решения. При этом проблемные аспекты связаны со всеми ранее выделенными критериями, характеризующими научный суверенитет, объединяющий субъектов-носителей, научные специальности и наукометрические системы. Следует констатировать, что в названных областях отсутствует единое понимание ключевых категорий и принципов научной деятельности, не выработаны общие цели и задачи, связанные с научным сотрудничеством, и, как следствие, наблюдаются различные, нередко противоречивые тенденции. В частности,

в ряде государств наблюдаются тенденции, связанные с переходом от системы организации научных исследований и подготовки научно-педагогических кадров, «унаследованной» от СССР, к западным моделям (Казахстан, Молдова), либо предполагающие создание собственных, «уникальных» по своей организации и функционированию научно-образовательных конструкций (Россия). Полагаем, что ни та ни другая тенденция не может считаться оптимальной, поскольку направлена не на создание единой (в своих целевых установках и решаемых задачах организации) научной системы, а на разрушение советской научной традиции, что само по себе не может восприниматься как конструктивное преобразование.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пространство СНГ представляет собой совокупность суверенных государств, основным связующим фактором для которых является историческое советское прошлое, что само по себе не может рассматриваться как базис для перспективного будущего.

Публично-правовыми основаниями формирования и обеспечения единства пространства СНГ являются организационные, формально-юридические и социокультурные факторы. К организационным факторам относятся межгосударственные организации (Совет глав государств, МПА, ОДКБ и др.), определяющие политику взаимодействия государств – членов СНГ. Формально-юридические основания складываются из международных договоров (Соглашение о создании СНГ) и нормативных правовых актов (Устав СНГ), закрепляющих общие положения и принципы межгосударственного сотрудничества, в том числе в сфере проведения научных исследований и подготовки научно-педагогических кадров. В качестве основного социокультурного фактора обеспечения единства публичного пространства СНГ следует рассматривать русский язык как «рабочий язык Содружества» (ст. 35 Устава СНГ), являющийся действенным инструментом делового и культурного общения и одним из важнейших гарантов сохранения сложившейся в советский период межнациональной культурно-исторической коммуникации.

Научный суверенитет представляет собой элемент национального (государственного)

суверенитета и в таком понимании предполагает рассмотрение государства в лице представляющих его административных структур (министерства науки, академии наук, ВАК и др.), выступающих в качестве специальных коллективных субъектов, определяющих регулятивную и охранительную политику в сфере организации науки, подготовки квалифицированных научных кадров, а также проведения научных исследований и практического внедрения их результатов.

Обеспечение и эффективная защита национального научного суверенитета предполагает наличие традиционной (неизменной в трех и более поколениях) наукометрической системы, при этом принимаемые на высшем уровне решения, связанные с заимствованием и внедрением иностранных (прежде всего, западных) наукометрических индексов научного цитирования, представляют серьезную угрозу для научного суверенитета не только России, но и других государств – членов СНГ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Правогенез / Р.А. Ромашов и др. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2021. – 481 с.
2. Ромашов Р.А. Политогенез: Храм – Пóлис – Государство – State / Р.А. Ромашов. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2020. – 300 с.
3. Ломакина И.Б. Сущностные черты этатистской модели государства / И.Б. Ломакина, М.В. Михайлова // Финансовая экономика. – 2023. – № 12. – С. 38–39.
4. Варламова Н.В. Понимание свободы, равенства и справедливости в контексте либертарной концепции права / Н.В. Варламова // Российский ежегодник теории права. – 2008. – № 1. – С. 43–66.
5. Зейферт М.Г. Особенности архитектурного формирования первых университетов в Западной Европе и России / М.Г. Зейферт, А.М. Сагатдинова // Известия Казанского государственного архитектурно-строительного университета. – 2010. – № 1 (13). – С. 16–22.
6. Гатина М.Р. Ранняя история Лондонского Королевского общества глазами современных историков науки / М.Р. Гатина, Д.В. Михель // Диалог со временем. – 2011. – № 34. – С. 191–205.
7. Илизаров С.С. «Hic tuta perennat.» Императорская академия наук в Санкт-Петербурге: XVIII столетие / С.С. Илизаров // Журнал Российского национального комитета по истории и философии науки и техники. – 2024. – Т. 2, № 2. – С. 9–68.
8. Тарабановская Е.А. Этатизм и система управления образованием в России в первой половине XIX века / Е.А. Тарабановская // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 6-2. – С. 364–368.
9. Манукян Л.А. Научно-технический потенциал России в период перехода к новому технологическому укладу / Л.А. Манукян // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2017. – № 5 (69). – С. 30–32.
10. Убилава И.Д. «Суверенная демократия» – альтернатива либеральной демократии (полиархия или биархия?) / И.Д. Убилава, Н.В. Шуленина // Вопросы политологии. – 2018. – Т. 8, № 8 (36). – С. 291–300.
11. Жуков А.З. Внедрение закона о «суверенном рунете»: правовой и технический аспекты / А.З. Жуков, Т.Л. Шугунов // Социально-политические науки. – 2020. – Т. X, № 2. – С. 139–142.

REFERENCES

1. Romashov R.A. et al. Genesis of Law. Saint Petersburg, Aleteya Publ., 2021. 481 p.
2. Romashov R.A. Politogenesis: Temple – Polys – State. Saint Petersburg, Aleteya Publ., 2020. 300 p.
3. Lomakina I.B., Mikhailova M.V. Essential Features of the Statistical Model of the State. *Financial Economy*, 2023, no. 12, pp. 38–39. (In Russian).
4. Varlamova N.V. Understanding Freedom, Equality, and Justice in the Context of the Libertarian Concept of Law. *Russian Yearbook of Legal Theory*, 2008, no. 1, pp. 43–66. (In Russian).
5. Zeyfert M.G., Sagatdinova A.M. Tendencies of Architectural Formation of the First Universities in the Western Europe and Russia. *News of the Kazan State University of Architecture and Engineering*, 2010, no. 1 (13), pp. 16–22. (In Russian).
6. Gatina M.R., Mikhel D.V. Contemporary Historians of Science on the Early History of the London Royal Society. *Dialogue with Time*, 2011, no. 34, pp. 191–205. (In Russian).
7. Ilizarov S. “Hic tuta per en nat.” Imperial Academy of Sciences in St. Petersburg: The 18th century. *Journal of the Russian National Committee for the History and Philosophy of Science and Technology*, 2024, vol. 2, no. 2, pp. 9–68. (In Russian).
8. Tarabanovskaya E.A. Statism and System of Education Management in Russia in the 1st Half of the 19th Century. *Fundamental Research*, 2014, no. 6-2, pp. 364–368. (In Russian).
9. Manukyan L.A. Scientific and Technological Potential of Russia in the Period of Transition to a New Technological Order. *Vestnik Saratov State Socio-economic University*, 2017, no. 5 (69), pp. 30–32. (In Russian).
10. Ubilava I.D., Shulenina N.V. “Sovereign Democracy” – an Alternative to Liberal Democracy (Polyarchy or Biarchy?). *Issues of Political Science*, 2018, vol. 8, no. 8 (36), pp. 291–300. (In Russian).
11. Zhukov A.Z., Shugunov T.L. Implementation of the Law on “Sovereign Runet”: Legal and Technical Aspects. *Sociopolitical Sciences*, 2020, vol. X, no. 2, pp. 139–142. (In Russian).

12. Борисов И.Б. Обеспечение электорального суверенитета во внешних отношениях / И.Б. Борисов // Гражданин. Выборы. Власть. – 2024. – № 2 (32). – С. 88–103.

13. Боева М.А. Суверенитет личности: понятие, признаки, гарантии / М.А. Боева, Л.А. Геляхова // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2017. – № 4 (73). – С. 19–22.

14. Силина Е.В. Теория суверенитета Жана Бодена как политико-философское обоснование концепции национальных государств / Е.В. Силина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2021. – № 3 (46). – С. 100–106.

12. Borisov I.B. Ensuring Electoral Sovereignty in the Context of Hybrid Wars. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 2 (32), pp. 88–103. (In Russian).

13. Boeva M.A., Gelyakhova L.A. Sovereignty of the Personality: Concept, Signs, Guarantees. *Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov*, 2017, no. 4 (73), pp. 19–22. (In Russian).

14. Silina E. V. Jean Bodin's Theory of Sovereignty as a Political and Philosophical Justification of the Concept of Nation-States. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*, 2021, no. 3 (46), pp. 100–106. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ромашов Роман Анатольевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой теории и истории государства и права;

Ромашова Галия Талгатовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры правоведения;

Сафин Завдат Файзрахманович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой экологического, трудового права и гражданского процесса Юридического факультета.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Romashov Roman Anatolyevich – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Theory and History of State and Law;

Romashova Galiya Talgatovna – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Department of Jurisprudence;

Safin Zavdat Fayzrakhmanovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Environmental, Labor Law, and Civil Procedure of the Faculty of Law.

Статья поступила в редакцию 02.12.2025; одобрена после рецензирования 29.12.2025; принята к публикации 29.12.2025. The article was submitted 02.12.2025; approved after reviewing 29.12.2025; accepted for publication 29.12.2025.